

Город счастливого меня

Светлана Ильина

Светлана Ильина
Город счастливого меня

«Автор»

2023

Ильина С. В.

Город счастливого меня / С. В. Ильина — «Автор», 2023

Молодой пианист Илья приезжает в Санкт-Петербург, мечтая сделать успешную карьеру. Но из-за строптивного характера у него начинаются неприятности. В этом удивительном городе жизнь подкидывает ему испытания. Преодолевая их, Илья обретает новых друзей и получает жизненные уроки, которые ещё полнее раскрывают его личность. Он открывает в себе и благородного рыцаря, и друга, и талантливого музыканта. Соседи по квартире, где Илья снимает комнату, неожиданно для него становятся семьёй. Осталась только одна проблема - отец, с которым он поссорился до отъезда из родной Астрахани. Получится ли с ним примириться? И что же станет для нашего героя смыслом жизни? Об этом книга. На обложке использовано личное фото автора.

© Ильина С. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Два слова от автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	22
Глава четвёртая	28
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Ильина

Город счастливого меня

Два слова от автора

В этой повести описаны самые обыкновенные люди. Но даже с обыкновенными людьми случаются необыкновенные вещи, которые называются просто – чудеса. Одно такое чудо совершенно реально случилось с моим знакомым, и я описала его. Но ещё большим чудом можно назвать тот миг, когда человеческое сердце обретает веру в Бога.

Глава первая

Петербург, как и полагается северному городу, встретил сыростью и бодрящим холодком. Илья зябко повёл плечами, жалея, что не поверил прогнозу. В родной Астрахани уже властвовала весна. На Волге начинался ледоход. Как-то разом зацвели все клумбы, а за городом, на песчаных барханах начал зеленеть кияк. К концу месяца можно будет ходить в одной футболке. А здесь, похоже, весну в начале апреля не очень-то и ждут, а может, и ждут, да она не торопится. По перрону со смехом и говорком шли тепло одетые пассажиры, которые несколько не удивлялись, что на улице в апреле изо рта валит пар.

Илья напряжённо высматривал приятеля, обещавшего его встретить, но того что-то не было видно. Куда подевался Лёшка? Если он не придет, то придётся до нужного адреса добираться самому. В кармане звякнул телефон, всё ясно – Лёша опаздывал.

Внутри Московского вокзала было тепло, красиво и вкусно пахло кофе. Желающие уехать сидели посреди зала, лицом к большому табло, а вокруг них, таща сумки на колёсиках, текла людская река прибывших.

По бокам большого светлого зала, в освещённых кафе расположились мечтающие или скучающие пассажиры. Решив к ним присоединиться, Илья зашёл в ближайшую кофейню. В таких условиях можно друга и подождать. После первого же глотка ароматного капучино настроение повысилось. Интересно, где Лёшка и Давид сняли квартиру? Жить втроём, конечно, не очень комфортно, но на первое время, пока они окончательно не обоснуются в этом городе, сойдёт...

– Молодой человек, у вас не занято? Можно к вам? – отвлёк его от размышлений какой-то мужчина. Вроде не старый, но неухоженная борода и очки не позволяли определить точно его возраст. Он держался за спинку свободного стула и ждал.

– Не занято, – наконец очнулся от раздумий Илья, – садитесь.

– У нас сейчас принято говорить "присаживайтесь".

– Я запомню. А что у вас ещё принято в Питере? Может, расскажете? – усмехнулся Илья.

– С удовольствием. Как коренной петербуржец в третьем поколении могу быть вам полезен. Только... не могли бы вы купить мне чашечку кофе? – нерешительно попросил он.

Илья на миг опешил, но тут же жестом подозвал девушку и заказал ещё кофе и пару румяных пирожков, тоже почувствовав голод. Официантка быстро принесла заказ, и мужчина улыбнулся ей, как старой знакомой.

– А ведь вы не в первый раз добываете себе подобным образом завтрак, – с усмешкой заметил Илья.

– Вы очень проницательный молодой человек, – откусывая пирожок, согласно кивнул мужчина. – Давайте познакомимся для начала... меня зовут Игорь Святославович. Впрочем, можно просто Игорь. А вас как?

– А меня Илья. Имя у вас красивое. Историческое.

– Неужели даже знаете такой исторический персонаж?

– Думаю, что "Слово о полку Игореве" все знают.

– Ошибаетесь, Илья, но... я рад, что вы так хорошо думаете о других. Сами-то кто будете по профессии?

– Я музыкант.

– И в какой области музицируете?

– Исполняю на фортепиано джазовую музыку.

– Вы профессионал?

– Так точно... тьфу... простите, недавно из армии пришёл. Эти словечки в мозг ввелись. Профессионал, консерваторию закончил в Астрахани. Впрочем, джаз – такое искусство, где нельзя играть любителю... либо нужно иметь очень большой талант.

– А у вас талант есть?

Илья пристально посмотрел на собеседника – не смеётся ли тот? Но Игорь спрашивал без тени насмешки.

– Думаю, что есть. Меня и моего друга Лёшу пригласил к себе в группу наш бывший преподаватель – Давид Вербицкий. Он саксофонист высшей категории. Создал группу, придумал ей название "Perrejjazz"... Мы начали выступать...

– Перчёный джаз, значит? Это из-за особенной музыки?

– Думаю, он себя главным "перцем" считает, – усмехнулся Илья.

– А вы не согласны?

– Да мне всё равно. Работать с Давидом интересно. Вот в Питер на конкурс позвал нас с Алёшкой. Мы с удовольствием. Правда, он душным иногда становится...

– Что значит – душным? Требовательным?

– Самодурства многовато, – после небольшого раздумья поделился Илья, – но пока терпимо, а там посмотрим. Если что... Давид не один на белом свете.

– А вы не боитесь конкуренции? У нас здесь, в Питере, музыкантов пруд пруди.

– Посмотрим, – Илья пожал плечами, – мы тоже не лаптем щи хлебаем. Скоро конкурс, там и решится всё. Игорь, а вы... почему ко мне подсели? Вон сколько народу вокруг, а выбрали именно меня.

Мужчина отставил пустую чашку и, сыто улыбнувшись, ответил:

– Видите ли, молодой человек, я очень люблю кофе, а ещё больше путешествия. Но, как пенсионер, не имею возможности путешествовать и прихожу сюда просто насладиться вокзальной атмосферой – людскими встречами, расставаниями и этим мелодичным голосом, объявляющим о прибывающих и уходящих поездах... Слышите? Объявили поезд в Кисловодск... а я ведь там когда-то отдыхал с родителями, – с этими словами он со вздохом посмотрел в сторону перрона, – однако, сами понимаете, на вокзале пить кофе – дорогое удовольствие, вот и выискиваю подходящего собеседника и спонсора.

– И как же вы определяете подходящего? Вдруг я бы вам отказал... Не боитесь грубости?

– О, за последний год у меня не было ни единого промаха. Я, знаете ли, много лет проработал учителем истории, поэтому лица молодых людей читаю, как открытую книгу. Вот более взрослые... тех не прочитаешь, слишком закрыты.

– А у меня, значит, открытое лицо?

– Да, но... я бы сказал – не открытое, а... без маски. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, если у вас нет на сердце плохих мыслей, а плохо, если они есть, но вы пытаетесь их скрыть. Всё будет написано на лице.

– Да, плохих мыслей у меня, по крайней мере, сейчас, нет. Но должен вам сказать, что искренность – это свойство нашей братии – музыкантов. У нас эмоции развиты больше, чем у обычных людей.

– Может быть... Кстати, если говорить о музыке... Помните, что Петербург – немного меланхоличный город. Не пытайтесь его поразить техникой или что там у вас... громкостью... Мне кажется, если в жюри будут наши музыканты, местные, то лучше вам сыграть что-нибудь сродни нашему настроению.

– А какое настроение в Питере? – удивился Илья.

– Погуляйте, проникнитесь, стихи почитайте, тогда всё поймёте. И ещё... я бы хотел вас предостеречь – не ждите открытости от питерцев. Они не любят фамильярности, навязчивости и глупости. Даже музыканты, мне кажется, себе на уме. Помните Виктора Цоя? Он раскрывался только с друзьями.

– Я это учту. Спасибо за чудесную беседу, – поблагодарил Илья, издали помахав рукой Лёше, который с озабоченным видом нёсся по вокзалу. – Извините, мне нужно идти, вон мой друг.

– Прекрасно, что у вас есть друг, Илья. Берегите друзей, в чужом городе они особенно ценны, – серьёзно ответил Игорь, – а если вам ещё понадобится моя консультация – вы знаете, где меня можно найти, – церемонно поклонился он, тоже вставая.

– Да, спасибо, хорошего дня!

Илья почувствовал прилив бодрости и, схватив сумку, пошёл навстречу приятелю. Они обнялись по-братски.

– Ну что, вырвался от матери? – спросил Алексей. Обычно на его лице при виде Ильи появлялась добрая и спокойная улыбка, делающая его значительно моложе своих лет. Илья даже посмеивался над его флегматичностью, а тут... совсем другой человек. Сегодня он был какой-то весь взъерошенный, с озабоченным лицом, что было на него не похоже. Вот что мегаполис делает с человеком...

– Еле-еле вырвался от матери, – вздохнул Илья, – то она себя плохо чувствует, то ей срочно понадобилось сделать ремонт, то истерика со слезами – как я буду без тебя жить? Спрашиваю, а как ты мою армию пережила, ведь меня целый год не было?

– Она же не одна осталась, с отцом... А ты, кстати, с ним не помирился?

– Не помирился, – неохотно подтвердил Илья, сразу ощущая неприятный холодок при воспоминании об отце. – Ты же знаешь, как меня достали его придирки... По его словам, профессию я выбрал не ту, надо было стать как минимум спецназовцем, тогда он был бы доволен. Джаз – музыка несерьёзная. Сам я ленивый, дерзкий и безалаберный, а из-за моего характера меня отовсюду выгонят... Надоело, – с горечью рубанул Илья, невольно подогревая свою обиду.

После ссоры с отцом он меньше всего хотел об этом говорить с Алексеем, хотя тот был ему как брат. В его семье отношения были совсем другими, и Илье иногда казалось, что друг его осуждает. Однако на лице Лёши было написано лишь молчаливое сочувствие.

– Мать, наверное, скучать по тебе будет, – перевёл тяжёлый разговор приятель.

– Мне её немного жалко, – задумчиво протянул Илья, – боится, что я не вернусь.

– Правильно боится, – наконец ободряюще улыбнулся Лёшка, – с твоим талантом ты везде пригодишься. А в Астрахани негде развернуться.

– Ну почему, – покачал несогласно головой Илья, – можно и преподавать, и концерты давать. Но... ты прав – здесь больше возможностей. Кстати, квартира далеко?

– На метро полчаса, а там пешком. Недалеко. Давид как всегда на высоте – найдёт, договорится, заплатит. В общем, всё устроил.

– Да-а, в каком-то смысле нам повезло с руководителем. Недаром его в армии сразу в ефрейторы повысили.

Они дружно рассмеялись.

На Невском проспекте в их разговор ворвался городской шум. Бурлила обычная жизнь мегаполиса, где никому ни до кого не было дела, зато у всех было много своих дел. Илья жадно оглядывался и пытался охватить взором как можно больше необычного в новом для него городе. Поёживаясь от холода, он заметил, что кое-где, под водосточными трубами, ещё лежал грязный снег. Небо было затянуто серыми тучами, а на улице не было ни одного деревца или кустарника. Зато, в отличие от южной Астрахани, здесь в уши задувал сильный морской ветер. И сливаясь с гулом машин, в голове Ильи он превращался в замысловатый аккорд.

Это было свойство его природы. Самые неожиданные звуки в его голове складывались в мелодии. Они приходили оттуда, откуда он и сам не ожидал. Правда, городские звуки зачастую раздражали, но здесь всё исправил ветер, загудев в ушах, как будто играл саксофон.

От обилия впечатлений кружилась голова. Метро поразило и своим многообразием, и чистотой, и чёткостью работы. Из-за оглушительного грохота поезда Илья чуть не зажал уши руками – слишком много вибраций для его чуткого слуха. Разговаривать было невозможно. Они молчали и думали каждый о своём. К счастью, под землёй ехать было недолго. С облегчением выйдя на белый свет, Илья снова огляделся – ничего общего с районом у Московского вокзала. Больше похоже на новостройки Астрахани.

– Нам туда, – показал Лёша, – такие дома здесь называются кораблями.

– Значит, будем моряками, – усмехнулся Илья. Он немного нервничал, но не показывал вида. Жить с приятелями ему не приходилось, если не считать армии. Но там никто не мог установить свои порядки, а здесь, он это знал точно, у каждого были свои привычки. Уживётся ли он с Давидом? Или будет как с отцом... Это его волновало больше всего.

Квартиру на первом этаже Алексей открыл своим ключом.

– Тебе тоже сделали, вот, держи, – сунул он Илье ключ. – Наша квартира сорок пять, не перепутай, а то все подъезды одинаковые.

Внутри послышался оживлённый разговор. У окна стоял Давид и по телефону с кем-то бурно договаривался о встрече. Увидев Илью, он улыбнулся и приветственно поднял пухлую белую руку.

– ... Да, да, приходите, познакомимся. Давайте в семь, сразу на репетицию. Всё, до встречи.

Илья огляделся в квартире. Одна не очень большая комната, с диваном и раскладушкой в углу, повергла его в уныние. Да и кухня была совсем крохотной. Как они тут уместятся?

– С приездом, Илья, – протянул руку Давид. – Ты чего так кисло смотришь? А? Рядовой Старгородцев, ну-ка смирно! – внезапно рявкнул он.

Илья вытянулся, как на плацу.

– Виноват, товарищ ефрейтор, исправлюсь! – громким голосом возвестил он, принимая шутку.

– То-то же, – хлопнул его Давид по плечу. – Давай располагайся на раскладушке. Мы с Лёхой на диване вдвоём потеснимся, а тебе, как каланче, отдельное место выделили.

Илья в который раз подивился, какими разными они были. Давид, наполовину грузин, был черноглазым, чернобровым, с пушистыми длинными ресницами, как у девушки. Из них троих он был самым маленьким, и, может быть, поэтому разница в возрасте с ним почти не ощущалась. Только на репетициях у Давида появлялись властные нотки, но если замечания были по делу, то они не раздражали.

Илья был его полной противоположностью – высокий, сероглазый, со светлым коротким ёжиком. Он скорее напоминал десантника, чем музыканта. Лёша росту был обыкновенного, немного ниже Ильи, и, по сравнению с Давидом, смотрелся совсем тощим. Его карие глаза смотрели всегда спокойно и доброжелательно. Давид же излучал кипучую деятельность, казалось, не прекращавшуюся даже ночью. Когда бы ему Илья ни позвонил – он непременно отвечал бодрым голосом.

Однако, несмотря на всю их внешнюю непохожесть, они, вместе с ещё одним парнишкой – ударником, составляли когда-то идеальный джазовый квартет, теперь превратившийся в трио – ударник не поехал с ними в Петербург.

– Илюха, ты аранжировку сделал для конкурса? – когда они, наконец, расселись в маленькой кухне, отхлёбывая чай, спросил Давид.

– Сделал, – кивнул Илья, глядя в тарелку. Больше всего его сейчас занимала горячая пицца. Но из-за тревожной мысли кусок застрял в горле. – А где мы ударника-то возьмём? Я же на квартет рассчитывал.

– Что бы вы без меня делали? – ухмыльнулся Давид, – нашёл я барабанщика. Завтра встречаемся на месте. До нашего позора осталось две репетиции.

– Как говорят певчие нашего храма, – встрял Лёшка, – лучше пять минут позора, чем сто часов репетиций.

– Лёха, ты и здесь устроился петь в церковный хор? – удивился Илья.

– А чем мне на жизнь зарабатывать? На вас, что ли, надеяться? У Давида есть накопления, у тебя тоже, а меня голос кормит.

– И неплохо кормит, – подмигнул Илье Давид. – Кстати, пацаны, я слышал наших конкурентов по конкурсу...

Они бросили жевать и уставились на приятеля, но тот тянул...

– И что? – сипло спросил Алексей.

– Я вам скажу... у нас все шансы выиграть, – весело подмигнув обоим, закончил Давид, – только как бы раньше времени не раскрыть нашу программу, а то ещё свистнут номер.

– Не свистнут, – задумчиво проговорил Илья, – но ты прав, всё равно раскрываться не стоит. У меня есть план...

Теперь друзья переключились на него, и Илья выложил им свою гениальную идею.

Глава вторая

Джазовая филармония походила на расстроенную музыкальную шкатулку. Как только Илья с друзьями зашли внутрь, со всех сторон на них обрушились хаотичные звуки разных инструментов. Музыканты разыгрывались в холле, на лестнице и везде, где только могли пристроиться. Давид уверенно пошёл вперёд, зная, что скоро подойдёт их очередь репетировать на сцене, а Илья с Лёшкой не торопились. Алексей, бедолага, тащил за спиной сумку с контрабасом, поэтому не мог идти быстрее, чтобы не удариться обо что-нибудь или об кого-нибудь. А Илье было всё интересно в этом уникальном месте – Джазовая филармония Санкт-Петербурга... Ещё год назад он и мечтать не смел, что окажется здесь.

Со стен на них приветливо смотрели корифеи джаза: Луи Армстронг, Бенни Гудман и хозяин сего заведения – маэстро Голощёкин со своим ансамблем. Многих Илья не знал, но читать имена уже было некогда. Показался Давид и зашипел на них, чтобы они шевелились...

В зале ещё играла предыдущая группа. Тихо расположившись за столиками в конце зала, они стали слушать. Исполняли профессионально, уверенно и с таким азартом, что Илье это показалось странным. Зачем так выкладываться на репетиции? Могло быть только одно объяснение – напугать, ошеломить конкурентов. Глаза музыкантов блестели от какого-то шального веселья, которое они, наверное, принимали за свинг. Но чуткий слух Ильи сразу уловил разнотемпный в темпе и нечёткое вступление после соло саксофона. Всё дело было в том, что солист не подал ясный сигнал для напарников.

Похожая проблема была и у них в группе. Давид так увлекался своим соло, что иногда не успевал махнуть в нужном месте. Илья вступал интуитивно, а Лёшка с его флегматичностью просыпал. Давид всё останавливал, ругался и потом давал чёткое вступление, но в следующий раз повторялось всё снова...

– Это москвичи, я уже слышал их, – негромко сообщил Давид.

– Солист у них что надо, – чтобы подразнить его, прошептал Илья. Тот не понял шутки и неприязненно посмотрел на сцену, потом на Илью.

– И что из этого?

– Ничего, – с невинным видом пожал плечами Илья, – просто не понимаю, почему ты решил, что мы легко получим первое место?

– Потому что у нас репертуар сложнее. А у них слишком всё предсказуемо.

– Предсказуемо?.. – задумался Илья, – это ты хорошо сказал. Надо нам сыграть что-нибудь нетривиальное...

– Придумал что-нибудь? – глаза Давида загорелись. Он знал, что Илья на аранжировки был мастер.

– Да я уже написал, но... могу вставить в свой проигрыш обязательной части сюрприз.

Давид осторожно, без звука, хлопнул его по коленке.

– Давай... А, вот и наш ударник.

В зал заглянул белобрысый парнишка и вопросительно посмотрел на друзей. Давид подскочил к нему и что-то спросил на ухо. Тот кивнул и уселся рядом с ними.

– Это Семён, – тихо представил его Давид.

Илья достал из рюкзака ноты и протянул парню.

Подходила их очередь репетировать. Давид уверенно подошёл к сцене и недвусмысленно показал ребятам на часы. У Ильи засосало под ложечкой. Так было каждый раз перед выходом на сцену, и ничего с этим нельзя было поделать.

Предыдущая группа со смехом и разговорами собрала ноты и инструменты, но ребята уходить не собирались, а в открытую уселись в зале.

– Эй, коллеги, а вы не в цирке раньше выступали? – зычно пробасил саксофонист, – в группу по росту набирали?

– По росту, по росту, – проворчал Илья, садясь за рояль, – вас только не дождались, пришлось мне учиться играть.

– Я так и понял, приятель, – не успокаивался москвич, – вы же не против, если мы тоже вас послушаем?

Илья открыл было рот, чтобы сказать, что они могут послушать и поучиться, как надо играть, но Давид пресёк их перебранку:

– Илья, заткнись, – негромко приказал он, а потом повернулся к москвичам и спокойно ответил снисходительным тоном преподавателя:

– Если перестанете болтать, то можете остаться.

Ударник уже что-то наигрывал на барабанах, а Лёшка пробовал струны, любовно поглаживая свой контрабас. Пробежав по клавишам, Илья удовлетворённо кивнул – рояль был настроен идеально. Однако сегодня нельзя было играть в полную силу. Это был тот самый план, который он предложил приятелям. Пусть конкуренты их не опасаются.

Давид начал с обязательного произведения из джазовой классики. И с серьёзными лицами, в противоположность москвичам, без азарта, они начали играть. Столичным музыкантам вскоре стало скучно, и они, шумно, не стесняясь в насмешливых выражениях по поводу игры "провинциалов", наконец убрались из зала.

По лицу приглашённого ударника было видно, что он засомневался – стоит ли позориться с этакой группой? Но Давид, подмигнув Илье и Лёшке, предложил сыграть их самый сложный номер. Семён послушал несколько секунд и включился, всё больше увлекаясь заразительной

мелодией. И всё-таки Давид не выкладывался в полную силу – сегодня было слишком много чужих ушей.

– Достаточно на сегодня. Остальное на следующем прогоне, – улыбаясь, объявил он.

Через несколько дней они снова собрались на репетицию. С утра пораньше народу в филармонии было мало, и можно было играть как следует. Илья с удивлением заметил, что Давид начал нервничать. Его манеры стали суровыми, как у надсмотрщика над рабами, и неторопливый блюз, со вздохами саксофона, напоминающими о тяжёлой работе негров на плантации, был как нельзя кстати. Любое отклонение Ильи в импровизацию он тут же пресекал. С досады хотелось хлопнуть крышкой рояля и уйти. Последней каплей было, когда Давид сам ни с того ни с сего поменял темп в уже выученной композиции.

– Давид, ты не забываешься? – не выдержал Илья, – нас костеришь, а сам куда гонишь? Мы же выучили в другом ритме...

В ответ Давид разразился ругательствами, которых друзья никогда до этого не слышали от него. Барабанщик Серёга сидел с невозмутимым лицом, но было видно, что если ему скажут хоть слово, то он уйдёт. В конце репетиции Давид успокоился. Когда они ехали в такси обратно в полном молчании, он проронил миролюбиво:

– Я считаю вас отличными музыкантами, ребята. Пожалуйста, просто делайте, что я говорю. Вы сможете.

– После того как ты испортил мне настроение, я не нуждаюсь в твоих похвалах, – мрачно ответил Илья. Про себя он решил на концерте играть так, как считает нужным.

Дома сидеть было невыносимо. Лёшка по утрам и вечерам бегал на службу, а Илья не мог оставаться наедине с Давидом. То ли это была его обычная манера, то ли он специально раздражал Илью, но всё в его руках гремело, падало, шуршало. И когда Илья хотел сосредоточиться и написать пару нотных предложений, чтобы разнообразить обязательный номер, тут как раз и начинался грохот. Сегодня репетировать они не собирались, и вслед за Лёшкой оделся на улицу и Илья.

– А ты куда? – удивился Давид.

– Разве я твой батрак, чтобы давать тебе отчёт? – огрызнулся Илья, – ночевать приду, не волнуйся.

Город удивлял его своей неохватностью. Невозможно было объединить в уме такие непохожие друг на друга районы. Но метро было той артерией, которая связывала их всех воедино и дарила приятное чувство близости к любой точке города. Илья быстро освоился и полюбил гулять по улицам, чтобы почувствовать, а, скорее, услышать – что же это за место – Петербург? Сначала он разглядывал современные и классические дома, памятники, смешные и серьёзные, а потом погрузился в свои ощущения и неожиданно понял, что поверхностный взгляд его обманывает. Город жил своей тайной жизнью, которую не разглядеть поверхностному взгляду туриста. Нужно было вглядываться и вслушиваться. Кто-то на ходу читал книгу, кто-то задумчиво смотрел на воду, не замечая суеты вокруг. А кто-то замирал возле уличных музыкантов, меня-

ясь в лице под звуки философской песни Цоя. Грустные нотки сближали его с другими такими же неприкаянными мечтателями...

... Вроде жив и здоров,

Из окна видна даль.

Так откуда взялась

Печаль?

В его душе тоже жила смутная печаль. Как будто он что-то упустил или недопонял в своей жизни... Он боялся признаться самому себе, что джаз увлекает его не всего, и отец в чём-то прав... Что-то должно быть ещё. Но что? В дальнем уголке души словно лежала таинственная коробочка и ждала, что её откроют... Может, стать композитором? Сердце при этой мысли радостно трепыхалось... Но какую музыку писать? Да, он и сейчас уже пишет, но его тайное страдание было в том, что он желал писать что-то более значительное, чем джаз... Илья вздыхал и откладывал коробочку обратно.

И всё-таки он поймал настроение города. В Доме книги он сидел в кафе и смотрел на дождь. Казанский собор, казалось, глядел на него в упор через большое окно и гипнотизировал, упрямо навязывая свои тяжёлые мысли...

А что, если перепеть Армстронга в миноре? Это как раз будет отвечать духу этого меланхоличного города... Нашлись и подходящие стихи поэтессы прошлого века Марии Моравской.

Прекрасны и мосты и улицы,

И памятники старины.

Но как прохожие здесь хмурятся,

И как здесь женщины бледны!

Ах, зелень трав такая тёмная,

И цвет Невы такой больной!

Душа каждого здесь бездомна,

В этой столице над Невой...

Илья отставил кофейную чашку и, глядя на текст, пропел про себя мелодию. Да, получится отлично. Он почувствовал возбуждение и уже другими глазами оглядел всё вокруг себя.

Не в силах больше сидеть на месте, он быстро встал, оставил симпатичной официантке на чай и вышел на улицу.

Казанский собор уже не казался мрачным. В метро спускаться не хотелось, и он пружинистым шагом пошёл по Невскому, ловко огибая гуляющих туристов и спешащих по делу пешеходов. Настроение немного омрачилось от появившегося сомнения – одобрит ли Давид его идею? Совсем против него идти не хотелось. Ну... сделаю вид, что советуюсь. Тогда скорее разрешит, – усмехнулся Илья.

На его идею Давид посмотрел благосклонно. Понравились ему и стихи. Снисходительно похлопав Илью по плечу, он самодовольно заметил, что под его руководством Илья станет отличным музыкантом. В ответ захотелось сказать что-нибудь язвительное, но он сдержался. В конце концов, Давид ему не враг, и незачем всё время обострять отношения.

Им удалось ещё раз прорепетировать в концертном зале. Репетиция вышла сумбурной. От волнения перед предстоящим выступлением Илья даже не мог прочитать афишу с названием конкурса. Самым спокойным был ударник Серёга, который не планировал дальше работать с ними. Однако играл он хорошо, хотя, на взгляд Ильи, без огонька.

Последняя неделя до концерта тянулась, как занудная мелодия, повторяясь изо дня в день, из часа в час бездельем и маетой. Однако ещё быстрее приближался день, который был не связан с музыкой, но был для Ильи не менее важен – это был день его рождения.

Наступившее утро было во всех отношениях необычным: и потому что ему стукнуло двадцать пять лет, и потому что было тихо. Давид не играл на саксе, не гремел посудой – значит, ушёл. А Лёшка убежал на службу. У них в храме Пасхальные дни, службы начинаются раньше. Интересно, он вспомнит или нет, что у друга день рождения?

От непривычного одиночества в такой день Илья вдруг заскучал. И словно почувствовав на расстоянии его тоску, позвонила мать. Он лежал, смотрел на экран и медлил отвечать, чтобы голосом не выдать своё настроение.

– Сынок, мы с отцом поздравляем тебя с днём рождения. Такой день – двадцать пять лет... Жаль, что ты не с нами.

– Мне самому жаль, мама, – вырвалось у него ещё хриплым от сна голосом.

Он представил её худенькую фигурку, сидящую за кухонным столом. Отец, наверное, рядом курит и смотрит в окно. Нет, Илья не жалел, что уехал. Отца он видеть не хотел.

Бытует устойчивое мнение, что сын нуждается в отце больше, чем в матери. Однако у Ильи, когда он повзрослел, случилось всё наоборот. Когда-то они дружили, как должны дружить отец и сын. Вместе ходили на рыбалку, вместе строили сарай старой бабке – матери отца, живущей в деревне, и чинили ей крышу. Но чем старше становился Илья, тем сильнее в его душе рос протест против требований отца стать военным, как он.

– Посмотри на себя! Какой ты музыкант? Бугай здоровый... Тебе нужно продолжить нашу династию военных. Твой прадед воевал в первой мировой, дед – во второй, я пошёл по

их стопам, а ты как неродной, – орал он пьяный, стуча себя в грудь. – Собираешься всю жизнь по клавишам тренькать? Не стыдно?

– Отец, почему мне должно быть стыдно? – пытался оправдываться Илья, но вскоре понял, что не стоит. В чём он виноват? В том, что хочет жить по-своему, а не по традиции? Отец не поймёт. Не поймёт, что музыка может быть смыслом жизни, пусть даже и не принесёт много денег. Хотя Илья как раз зарабатывал больше отца, играя на свадьбах. Сам и купил дорогое электропианино, на котором в наушниках можно было играть днями и ночами.

Не в один миг, постепенно его дружба с отцом переросла в глухое, беспросветное недовольство друг другом. А дружба растаяла как туман. Мать мучительно переживала их размолвку и пыталась примирить, уговаривая обоих пойти навстречу друг другу. Но отец не хотел, а Илья не понимал, в чём он может уступить отцу.

Он долго молчал, а после армии решился всё сказать. В один из таких ужасных вечеров, когда мать со страхом ждала припозднившегося, а значит, пьяного супруга, Илья нарочно не ложился спать, чтобы раз и навсегда выяснить отношения. Как он и ожидал – подвыпивший отец завёл свою любимую песню о том, какой бестолковый у него сын. Внутри Ильи словно прорвало плотину. Сейчас он уже и не помнил, что в запале наговорил ему в тот вечер. Но, видно, что-то ужасное, потому что отец, с расширенными от удивления глазами, несколько минут молчал и дрожащими руками пытался зажечь сигарету. Наконец, он прохрипел:

– Варвара, ты слышала, что этот сопляк сказал? У меня нет больше сына. Баста...

Мать плакала, а Илья только усмехнулся. Вот и отлично. Одним воспитателем меньше.

Он хорохорился перед самим собой, и если бы его спросили, рад ли он, что всё высказал, то ни минуты не сомневаясь, Илья ответил бы, что рад. Но то состояние растерянности, которое мелькнуло в глазах всегда уверенного в себе отца, его неприятно и больно поразило. Его слова, словно пули, рикошетом поразили и его самого. В душе поселилась пустота от умершей дружбы. Так жить стало невыносимо, и как только Давид предложил поехать в Петербург, он сразу ухватился за эту возможность.

– Как ты там живёшь? Тебе нравится Петербург? – вывела его из задумчивости мать.

– Я ещё и сам не понял, мама, – честно признался он, – в Астрахани много друзей, а здесь даже Лёшка отдалился... А вы как поживаете? – выдавил он, имея в виду и отца. На расстоянии их ссора уменьшилась в размере и показалась какой-то глупой...

– Ничего, ничего, сынок, – оживилась мать. Илья понял, что она была ему благодарна за это "вы". Значит, точно – отец рядом сидит. – Только...

– Что? – насторожился Илья.

– Папа заболел...

На том конце хлопнули ладонью по столу. И мать заторопилась:

– Ну не волнуйся, в целом у нас всё в порядке. Если тебе будет плохо, то сразу приезжай. Мы тебя ждём.

Вот и поговорили... Илья задумался – чем мог заболеть отец? В последнее время он похудел, стал надсадно кашлять. Выглядел он всегда аккуратно, как и положено офицеру, хотя и в отставке. Но однажды Илья увидел, как странно на нём сидел костюм – пиджак уже не обтягивал широкие плечи, а свисал свободно, как с вешалки... Что же у него за болезнь?

Долго размышлять о плохом и портить себе знаменательный день не хотелось. Илья переключился на собственные ощущения, пытаясь осознать, что ему уже двадцать пять... Естественно, внутри него ничего не изменилось. Вот после армии он, действительно, ощущал, что стал другим. А с приездом в этот город его внешняя жизнь круто повернулась в неизвестном направлении. Все года, пока он бесконечно долго учился, потом работал, потом снова осваивал уже совсем другую – армейскую науку, а после вновь играл в джазовом ансамбле, он не мог позволить себе ни единого выходного дня. Круговерть повседневных обязательных дел, казалось, никогда не выпустит его из своего омота. Но сегодня выдалась краткая пауза, так что Илья даже растерялся.

Нужно куда-нибудь пойти и выпить за собственное здоровье, – решил он и, резко поднявшись, выглянул в окно. Солнце не собиралось прятаться за тучу и с утра жарко нагрело подоконник, так что рукам стало горячо. Наконец-то распогодилось!

Он вышел из дома и неторопливо пошёл по широкой улице. Пахло клейким ароматом тополиных почек и мокрым асфальтом. После ночного дождя в лужах так ярко блестело солнце, будто на дне каждой из них лежал алмаз. Удивительное дело, но сразу, как по команде, переоделись горожане. Улица запестрела разноцветными пальто и шарфиками, напоминавшими весенние цветы. И даже сумочки в руках женщин из чёрных и серых перекрасились в яркие тона.

В конце концов, всё складывается отлично – весело думал Илья, жмурясь от солнца, – он приехал в прекрасный город, и не может такого быть, чтобы здесь не заметили его таланта. И то ли от тёплого весеннего ветра, то ли от ожидания ещё большего счастья закружилась голова... Жаль только, что в такой день он остался один... Не хватало друга.

Они с Лёшкой дружили с детства. Хотя внешне они были очень разными, но был общий интерес – любовь к музыке. Правда, Лёшу больше тянуло на церковные хоралы Баха, а Илью на Шопена и Рахманинова, но обоих объединил джаз. Им нравились Диззи Гиллеспи и Чарли Паркер, которые превратили джаз мелодических вариаций в джаз гармонической импровизации. Илья обожал импровизировать, наслаждаясь своими способностями, как свободой, которая ему была дана свыше. А Лёшка, с его чуткостью и внимательностью, был превосходным напарником и сопровождал его на контрабасе. Они понимали друг друга с первой ноты.

Однако сначала Илью удивило желание Лёши стать джазистом.

– А твой отец не будет против? – осторожно спросил он у приятеля.

– Почему он должен быть против? – удивился Лёша.

– Всё-таки он священник...

– И что? – пожал плечами друг, – он бы, конечно, хотел, чтобы я стал как он – священником, но это же моя жизнь, я и решаю. У нас в семье демократия и полная свобода, – смеясь, закончил он.

– Свобода? – недоверчиво покачал головой Илья, – о чём ты говоришь? У вас везде правила и запреты. Какая же это свобода? Вот сейчас, например, у вас Великий пост. Ты же не можешь пойти со мной в кафе и поесть шашлыков?

– Чего вы все привязались к посту?

– Кто все? – не понял Илья.

– Да помнишь нашего одноклассника Пашку? Он рестораном управляет. Встретились мы тут с ним недавно, так он меня зазвал на обед и давай смеяться, что я только уху заказал. Зачем, говорит, вы, православные, столько запретов напридумывали? Я уже не выдержал и спрашиваю: а ты машину свою новую любишь? Он обалдел от такого вопроса, но, говорит, люблю. А у тебя есть правило, чтобы твои дети в грязной обуви не следили в ней? Он кивает – есть. Отлично, говорю, вот тебе и первое правило. А вообще-то, тебе для чего машина-то нужна?

Илья не понимал, к чему этот разговор, но заинтересовался.

– И для чего же?

– Так, говорит, для того чтобы иметь свободу передвижения – куда хочу, туда и еду.

– Верно, – пожал плечами Илья, – а ты что?

– Да я уточнил, по правилам он ездит по дороге или без, как полностью свободная личность?

Илья засмеялся.

– Да уж, наверное, на каждом жёлтом сигнале тормозит. Знаю я его, аккуратиста.

– Вот именно! – торжествуя поднял палец Лёша, – потому что и жизнь дорога, и машинку жалко. Вот и второе правило. Так же и в религии, говорю ему. Я хочу себя чувствовать свободным от брюха, поэтому и пощусь. Пока мы болтали, смотрю – он со мной вместе уху ест и вздыхает. Спрашиваю, а ты-то чего постишься? А у него, оказывается, печень от переедания пошаливает...

– Ну, допустим, не от переедания, – усмехнулся Илья.

– Неважно... Видишь, говорю ему, ты-то не постился, а очень даже наоборот... – подмигнул Лёшка, – так теперь болеешь. И знал ведь, что так будет. Так и я такой же обжора, вот и пытаюсь свободным стать от этого "господина", чтобы он мной не управлял, – Лёша засмеялся и похлопал по своему плоскому животу.

– Ну, ты уже давно свободный от него – тощий, как таракан, – улыбаясь, заметил Илья.

– Я не от поста тощий, у меня конституция такая, – покраснел друг, – так что... вот тебе и объяснения про наши правила... А уж как жизнь свою строить – это каждый сам решает.

При мысли о друге Илья снова ощутил одиночество...

Но решительно судьба сегодня к нему благоволила – телефон подал сигнал, пришло сообщение от Лёшки: " С днём рождения, Илюха! Встречаемся через час у Пушкинской. У меня для тебя сюрприз." Не забыл, значит... Посмотрим, что за сюрприз.

Глава третья

Илья приехал раньше и терпеливо ждал, стоя у метро. Он высматривал щуплую фигуру друга, но того не было видно. Вдруг из-за угла вывернула шумная компания разновозрастных людей. Они что-то эмоционально обсуждали на всю улицу. С удивлением среди них Илья заметил и Алексея. Это и есть сюрприз?

– Привет, Илюха! – подошёл тот, отделившись от компании, – а у нас сегодня один певчий празднует день рождения, правда, старше тебя на пятнадцать лет, но это неважно... Так что будет двойной праздник. Ты не против? Знакомься, это Дима Емельянов.

К ним подошли двое разгорячённых спором мужчин. Первый, повыше, кивнул Илье и протянул руку.

– Значит, мы с тобой сегодня проставляемся. Согласен?

Из-под очков на Илью смотрели пытливые карие глаза. Если бы Лёшка не сказал, что Диме стукнуло сорок, то определить, сколько ему лет было бы трудно – его фигура была довольно грузной, очки придавали солидность, но кудрявые волосы и широкая, открытая улыбка перечёркивали первое впечатление о зрелом возрасте.

– Согласен, – в ответ улыбнулся Илья, сразу почувствовав, что его принимают в компанию.

– О, так мы сегодня разгуляемся! – в предвкушении потёр руки второй мужчина, примерно такого же возраста, но из-за сутулой спины и полуседой бородки он казался в компании самым старым. – Сергей, – представился он.

– Серёга, ты держи себя в руках, – шутливо хлопнул его по плечу Дима, – я же не Рокфеллер. Будешь доплачивать, если у меня денег не хватит.

– Мужчины, так мы идём? – позвала девушка, стоявшая с подругой неподалёку.

– Идём, идём...

Когда девушки подошли поближе, Лёша вежливо представил им Илью.

– А вы, Илья, тоже певчий или просто друг Алексея? – спросила одна из них и так приветливо улыбнулась, что невозможно было не улыбнуться в ответ. От улыбки на её пухлых щеках проступили ямочки, а светлые кудряшки вокруг круглого лица невольно вызвали сравнение с херувимчиком из католического храма. Только зелёные глаза смотрели не по-ангельски, а насмешливо и с любопытством.

– Я... не певчий, просто друг...

– Илья – мой лучший друг, – приобнял его за плечи Лёшка, – это раз, а ещё он отличный пианист – это два, и мы вместе играем в джазовом ансамбле – это три. Есть ещё вопросы?

– Вопросов нет, одно пожелание – пойти уже куда-нибудь поесть, – заметила её подруга Лариса. Её тёмно-карие, как крепкий чай, глаза невольно приковывали взгляд. И всё-таки Илья больше заинтересовался Кристиной, однако по тому, как Алексей уверенно взял её под руку, понял, что он опоздал.

Они пошли по какой-то улице, продолжая говорить все вместе, беспорядочно, перебивая друг друга и не успевая договаривать до конца ни одной мысли. Илья слушал новых знакомых краем уха, но больше оглядывал улицы Петербурга. Старые дома, обступавшие их со всех сторон, напоминали ему, что он переселился в новый мир, который был так не похож на его родную Астрахань. При воспоминании о доме его сердце сжалось, и он знал, что это из-за отца, но, чтобы не испортить себе настроение, отмахнулся от грустных мыслей.

Завернув за очередной прямой угол этого необычного города, расчерченного по линейке, они вышли на Фонтанку, и Дима с Сергеем уверенно повели компанию в ресторан. Уже с порога было понятно, что здесь играет живая музыка. Под аккомпанемент фортепиано солистка с красными волосами выводила замысловатую мелодию.

Удивительно, но ей такой необычный цвет к лицу, – подумал Илья, заслушавшись негромким женским голосом.

Народу было немного. Дима и Сергей уже заняли столик возле окна и понуждали всех быстрее делать заказ. Официант болтал с ними, как со старыми знакомыми, и было видно, что они здесь бывают частенько.

Алексей сел рядом с Кристиной, так что она оказалась напротив Ильи. Красноголовая солистка вдруг запела что-то медленно-романтическое. В её необработанном, хрипловатом голосе послышались волнующие призывные нотки. Илья стал украдкой разглядывать Лёшину девушку... Алексей ей что-то негромко говорил, но она и слушала, и не слушала. Взгляд её с интересом блуждал по посетителям, а на пухлых губах порхала улыбка, которая, скорее, относилась к её тайным мыслям, а не к словам Алексея. Кристина с Лёшой были такими разными, что Илья никак не мог понять, что их связывало. Пожалуй, в их паре сработал принцип тяготения противоположностей друг к другу. Лёша был чуть застенчивым и почти всегда серьёзным. Илья редко слышал, чтобы он смеялся в голос. Совсем не такой была Кристина. Она жаждала веселья, и слишком спокойный Алексей был для неё предметом ласковых насмешек.

– Друзья, – поднял бокал с пивом Дима, – давайте выпьем, чтобы наши года не летели так быстро. А для этого нужна... – он задумался, – стабильность. Серёга, ты согласен?

– Стабильность? Отличное состояние, если только стабильно хорошо, а если стабильно плохо, то нет.

– Тогда за хорошую стабильность, – уточнил Дима, – а вообще-то, мы пьём за наши дни рождения. Слава Богу, что мы родились в этот мир, да ещё и такой прекрасный...

– Правильно, – чокнулся с ним Серёга, – прекрасный, потому что рядом друзья.

Илья тоже выпил тёмного, густого пива и сразу почувствовал, как спало напряжение. Он стал ещё пристальней вглядываться в девушку приятеля. Чем больше он смотрел, тем труднее

было оторваться от её весёлых глаз и прелестной улыбки. Она оказалась ужасно смешливой, и на любую шутку заразительно смеялась, так что поощряемые её смехом мужчины наперебой рассказывали забавные истории.

– Димыч, ты лучше расскажи нашим дамам, как тебя чуть не заставили работу поменять, – ухмыляясь, попросил Серёга, когда все отсмеялись над очередным анекдотом.

На секунду задумавшись, Дима ухмыльнулся.

– А-а... сразу скажу, что история эта и типична, и нетипична для меня.

– Это как же? – не понял Илья, – либо то, либо другое.

– Эх, молодой человек, вот тебе двадцать пять исполнилось, а когда будет сорок, тогда окинешь критическим взором свою жизнь и поймёшь, что... как там у апостола Павла сказано... – обратился он к Лёшке, – что хочу не делаю, а что не хочу – делаю... Так вроде?

Алексей кивнул утвердительно.

– Так вот, друзья... стою я как-то на Невском, возле метро, жду Серёгу. Вокруг крутятся туристические группы, автобусы, гиды с мегафонами... Суета, короче... Вдруг подходит ко мне женщина, нестарая, хочу заметить, и очень даже симпатичная, – Дима снял очки и стал ими эмоционально жестикулировать. – Пойдёмте, говорит, со мной. Я, честно говоря, опешил, и у меня первой мелькнула мысль, что с тобой, Серёга, что-то случилось. Я кивнул и, хотя в душе удивляясь, послушно пошёл за ней. Тут я подумал, что если бы что-то случилось, то мы бы не шли так спокойно. Стало ещё любопытней – куда же всё-таки она меня ведёт? Женщина не торопилась, но оглядывалась, проверяя – иду ли я за ней...

– Ну и куда же вы пришли? – не выдержал Илья.

– Спокойнее, Илья, дай человеку договорить, – дёрнул его за рукав Лёшка.

– Подошли мы к современному туристическому автобусу. Она заходит, я за ней, ничего не понимая. И что, говорю? Как это что? – спрашивает она, – поехали! Вы же водитель, а не я... Так вот оно что! Нет, говорю, я не водитель. А что же вы за мной пошли? – опешила она. Вы позвали, я и пошёл. Думал, может, помощь моя нужна... Ну, говорит, странные вы, мужики. То вас не дозовёшься, когда нужно, то лишний раз спросить боитесь.

– А ты что ей ответил? – спросил Серёга.

– Говорю, ничего я не боюсь, просто вы мне понравились. Не отказывать же такой красивой женщине...

Разгорячённые пивом, друзья захохотали. Смеясь вместе со всеми, Илья украдкой снова взглянул на Кристину. Она улыбнулась ему широкой улыбкой. Илья поймал чуть тревожный взгляд приятеля и поспешил заговорить с ним:

– Какие всё-таки галантные кавалеры в Петербурге, правда, Лёша? У нас бы такое не прокатило.

– Да, я бы сразу напрягся, – кивнул он, усмехаясь.

– А мне не нравится это качество в наших мужчинах. Это вовсе не галантность, а... безволие. Слишком уж у нас развит матриархат, – покачала головой Кристина. Неожиданно она стала серьёзной, и так странно было видеть смешливого "херувимчика", рассуждающим строго и безапелляционно. – Вот и Дима пошёл за женщиной, потому что привык подчиняться.

– Ну нет, Крис, ты не знаешь нашего Димыча, – покачал головой Серёга, посерьёзнев, – у него в семье жена не командует.

– Я же говорил, друзья, что наши поступки порой нас самих же и удивляют больше всех, – усмехнулся Дима. В его голосе прозвучали обиженные нотки, но он старался не показывать вида.

– А я согласна с Кристиной, – встряла в спор Лариса, – вечно у наших классиков главные герои безвольные и от этого несчастные. Помню, у Чехова... что ни герой, то его жена не любит, а когда, наконец, ответит взаимностью, то окажется, что он уже разлюбил. Ни одного решительного поступка. Помните, в рассказе "Дом с мезонином"... художник влюбился в Мисюсю, старшая сестра её отправила куда-то, а он и не думал её искать... Это, кстати, подлинная история Чехова и его первой любви.

Про Чехова Илье стало слушать неинтересно. Он вдруг понял, что музыка больше не играет. Оглянувшись, он заметил, как солистка и инструменталист о чём-то пошептались и направились к выходу. Илья сам не ожидал от себя, но, видно, сказалось спиртное, потому что ничуть не смущаясь, он быстро встал и окликнул музыкантов:

– Ребята, у вас перерыв?

Те удивлённо оглянулись и кивнули.

– А можно я пока поиграю на фортепиано? У меня сегодня день рождения – хочу гостей повеселить.

– Ну давай, – неуверенно протянул парень, – а что ты собрался играть? Не шансон? У нас только джаз можно.

– Я как раз джаз и хотел, – успокоил его Илья, подходя к инструменту. – Друзья, на мой день рождения я дарю вам произведение собственного сочинения... Вернее, мою обработку известного вам классика.

Новые приятели вместе с другими посетителями ресторана поощрительно захлопали. Илья положил руки на клавиши...

Как много розовых обманов

Видала блеклая заря

В этой столице всех туманов,
У ног чугунного Петра.

Исаакия во мгле не видно,
Весь город сизо-голубой...

Не веришь трезвости гранитной,
Суровой правде городской.

Как истинные музыканты, приятели перестали жевать и внимательно слушали в полной тишине. За окном лил частый дождь и от этого стало темно. В ресторанной полутьме лирические слова с мелодией Армстронга в исполнении низкого голоса Ильи прозвучали задумчиво и меланхолично. Небольшая сцена была почти как настоящая, но впервые Илья не волновался. Наоборот, его грудь так распирало, что он готов был петь и петь...

Дима с Серёгой подошли поближе и сели на пустые кресла возле фортепиано. Когда отзвучала последняя нота, то Серёга сразу подскочил к нему.

– Какой-какой там трезвости ты не веришь? А... гранитной... интересно. Мне очень понравилось. А тебе, Димыч?

– Прекрасная обработка и шикарный бас у тебя, парень. Я уже не говорю про игру. Иди к нам в хор петь, – слишком широким от выпивки жестом махнул он кружкой, так что чуть не пролил остатки пива на сидящих рядом посетителей ресторана.

– Димыч, спокойно, пойдём на место, подождём Илью там... Дичь, как говорится, не улетит, она жареная...

Илья усмехнулся, наблюдая за закадычными друзьями, и тоже вернулся за стол.

– А правда, Илья, – заговорила Кристина, очаровательно подняв пшеничные брови, – ты не хочешь с нами в храме петь? У нас прекрасный хор. И Дима, кстати, тоже музыку пишет.

– Может быть, – нарочито спокойно пожал плечами Илья. Он боялся долго смотреть в глаза Кристине, чтобы она не заметила его интереса. Всё-таки она была невероятно хороша. Сердце билось, как сумасшедшее. В душе ощущался какой-то невероятный подъём. Он впервые по приезду определённо ощутил, что ему здесь всё нравится – и город, и люди, и девушки... Особенно одна...

– Так это твой сюрприз? Ты хотел меня познакомить со своей девушкой? – негромко спросил он Лёшку, когда они засобирались домой.

– Почему с девушкой? – вытаращил глаза приятель, – я тебя хотел познакомить с моими друзьями. Ну и с Кристиной, – ты прав.

– У вас с ней всё серьёзно?

Лёша чуть замялся, но потом внезапно бухнул:

– В общем... я сделал ей предложение.

– А она? – уныло спросил Илья.

– Она сказала, что подумает.

– Ну ты даёшь, – протянул Илья, – едва знаком с ней и уже предложение делаешь. Не хочешь проверить свои чувства и так пожить... не расписываясь?

– Ты же знаешь, – покраснел приятель, – я не могу иначе. Только жениться...

– Ясно...

– Лёша, ты меня проводишь? – раздался сзади звонкий голос Кристины.

– Конечно, пойдём. Все уже собрались...

На улице плакал весенний дождь. Остро пахло сыростью, а по воде речки Фонтанки тёмными гвоздиками прыгали крупные капли.

Илья плёлся позади Лёши и Кристины. Плюханье капель словно глухие звуки контрабаса аккомпанировали звучащей внутри него грустной песни... Душевный подъём, который он ощутил с новыми друзьями, сменился меланхолией и унынием. Он знал, что это последствия и его характера, и его холерического темперамента, когда радость очень быстро сменяла тоску, а безрассудные порывы вдруг уступали место равнодушию ко всему. Знал это, но ничего не мог поделать, мучаясь сам с собой.

Их компания шумно расставалась у метро. Кристина почему-то медлила садиться в такси и вдруг бросила на Илью озорной и многозначительный взгляд. От такой открытой дерзости душу словно обдало горячим ветром, и в груди всколыхнулась смутная тревога за себя и за друга.

Глава четвёртая

Под внешним добродушием Давида скрывались железная воля и самодурные наклонности. О первом Илья узнал ещё в Астрахани, а со вторым столкнулся здесь, в Петербурге, когда ему приходилось подчиняться ему не только на сцене, но ещё и терпеть невыносимые привычки Давида в общей квартире. В душе, как снежный ком, росло желание не выполнять его указания в музыке и сделать что-нибудь нарочно. Лёжа на раскладушке, он вынашивал план мести. Месть должна не испортить их выступление, а показать Давиду, что он не самый умный.

Всю группу, и даже ударника, раздражало желание Давида максимально упрощать их партии, чтобы лучше выглядеть самому. Единственное, что он разрешил Илье – это сыграть знаменитую мелодию Армстронга в своей сложной обработке.

– Никакого пения, – категорично вдруг заявил он, когда прослушал, как Илья искусно копирует голос Армстронга, – просто сыграй и всё.

Сжав зубы, Илья опустил глаза и кивнул, но на конкурсе решил сделать по-своему и спеть. Нужно было только позаботиться, чтобы рядом с роялем оказался микрофон. Но это можно будет устроить...

На конкурсе они выступали пятыми. Одетые в чёрные костюмы с белоснежными бабочками на таких же рубашках, они все выглядели эффектно, кроме Лёши. Тот из-за своей худощавости всё равно походил на студента. Зато Давид своим недовольным лицом, вероятно, изображал из себя Бенни Гудмана, с его непомерной важностью и пакостным характером, о котором в мире джаза ходили легенды.

Они слушали конкурсантов, и иногда Илье казалось, что лучше сыграть нельзя. Публика понимала толк в музыке и после страстных, эмоционально захватывающих соло, хлопала и свистела от восторга. От волнения пробирала дрожь, но Илья надеялся, что на выступлении он сможет её победить, тем более что ему предстояло осуществить свой тайный план...

Заглянув в перерыв в концертный зал, как раз после четвёртой группы, Илья с радостью обнаружил за кулисами, рядом с роялем, запасной микрофон. Чуть спрятав его за инструментом, чтобы не насторожить Давида, Илья вышел в коридор. Там его ждал сюрприз. Рядом с Лёшкой стояла почти вся компания, с которой Илья познакомился в ресторане. Лариса приветственно помахала программкой, а Дима и Сергей, уже как старые знакомые, крепко пожали руки и пожелали удачи. Илья благодарно кивал и всё думал, придёт ли Кристина? Не спрашивать же у Лёши... Кристина пришла. Илья даже не представлял, что можно так стильно выглядеть в джинсах и свитере-тельняшке, который, казалось, был ей большеват и всё время сползал с одного плеча... От волнения то ли из-за предстоящего выступления, то ли от вида девушки, у Ильи пересохло в горле.

– Мы будем вам громко хлопать, чтобы все поняли, кто самая лучшая группа, – проговорила она, глядя на Алексея, но Илье показалось, что это было сказано для него.

– Кстати, Илья, – вдруг с деловым видом подошёл Дима, – мой знакомый официант из того самого ресторана, где мы в прошлый раз сидели, помнишь?.. спрашивал про тебя. Говорит, что их джазовый дуэт увольняется, и им нужен хотя бы пианист. Пойдёшь играть в ресторан?

От изумления Илья внезапно забыл все слова и только кивнул. Он откашлялся и, наконец, прохрипел:

– Конечно, пойду! Нужен мой телефон?

– Да нет, просто зайди к администратору ресторана и скажи, что ты пианист... Ну, можешь добавить, что от меня.

– Спасибо, – Илья схватился за плечо Димы и потряс его, тревожно глядя на дверь в зал.

Комиссия во главе с маэстро Голощёкиным медленно шествовала на свои места. Наступала их очередь.

– Вы играть собираетесь или здесь будете стоять? – словно ниоткуда вырос перед Ильёй и Лёшой Давид. Они собирались и поэтому быстро пошли за кулисы.

Когда Илья уселся за рояль, то все сомнения и страхи, что он может испортить выступление, исчезли. Он не любил в джазе эффект погремушки, когда артисты демонстрировали свою технику, но не вкладывали душу. Илья считал, что в такой игре нет смысла – одна пустота. В своё соло он вложил больше песенности, чем это было принято в современном джазе. Именно поэтому Давид и зарубил его пение. Но Илья был не согласен.

Когда наступила его очередь исполнять соло, то после первых же слов блюза воцарилась странная тишина. В зале, где люди пили кофе и даже что-то жевали, никогда не было такой атмосферы... От волнения голос Ильи стал ещё более хриплым и походил на мурлыканье большого кота, заставляя вслушиваться в каждое слово печально-задумчивых стихов про романтический город. В проигрыше он изобразил и дождь, такой частый в этом морском климате, и игру солнца в золотых куполах величественных соборов, и что-то неуловимое, что он сам ощутил, гуляя по старым улочкам.

Давид словно окаменел и лишь слегка тактировал, будто всё идёт по плану... Но Илья, глядя на его профиль, видел написанное на нём выражение холодной ярости.

Они победили. В коридоре их трясли за руки, спрашивали, откуда они приехали, кто пишет обработки? Давид отвечал всё подробно, благодарил, давал свои координаты и... старательно избегал взглядом Илью.

Обратно они ехали в полном молчании. Илья чувствовал себя двоечником, которому сейчас достанется, но тут же одёргивал себя с внутренней усмешкой – если бы не он, то не видать бы им первого места.

– Ты думаешь, что самый умный? – с порога начал Давид сдавленным от ярости голосом. – Сколько я должен терпеть твои выходки?

– Да если бы не я, с твоей программой мы бы не выиграли, – спокойно снимая ботинки, ответил Илья, избегая смотреть на белое от злости лицо руководителя. Он был готов поклясться, что услышал скрип его зубов, и от этого на него напало бесшабашное веселье. Пряча неуместную улыбку, он продолжил: – Давид, не злись. Мы же коллеги. Ты умеешь играть на саксе, а я знаю, как написать хорошую аранжировку.

Давид заколебался, но разглядев дурацкую усмешку на лице Ильи, припечатал:

– Я больше не собираюсь с тобой спорить. В моей группе ты играть не будешь. Петербург – город большой, и пианиста найти будет нетрудно. Так что... завтра уезжай хоть на другую квартиру, хоть домой...

– Давид, ты что? – вмешался встревоженный Лёшка, – из-за одной песни ты разваливаешь нашу группу?

– Не из-за песни, а из-за характера твоего дружка! – взревел Давид, раздувая ноздри, – мне не нужен такой музыкант. Он зазнавшийся одиночка, и такого хулигана никто не будет держать. Эх, Илюха, если бы не я, сидел бы ты в Астрахани. Неблагодарный... – произнёс он вдруг с такой горечью, что Илье на миг стало стыдно, но умолять о прощении он не собирался. Давид отсчитал купюры и бросил их на стол, – да, кстати, вот ваши деньги за конкурс. Всё честному... Я всё сказал.

Он ушёл в комнату. Илья с Алексеем переглянулись и взяли деньги. Быстро посчитав, Илья понял, что должно хватить на съём комнаты и на первое время, но... медлить с новой работой было нельзя. Как вовремя Дима рассказал про ресторан...

– Лёшка, а хочешь, вместе будем играть в ресторане?

В глазах друга появился интерес.

– А что... классная идея. Может, и Кристину позовём? Она могла бы петь соло. Это было бы здорово!

– Вот завтра и посмотрим. Я схожу на разведку. Думаю, нам не откажут, – повеселевшим голосом уверил Илья.

Глава пятая

Утро было светлым, но Илья старательно жмурился, делая вид, что спит. Ему не хотелось собираться, пока Давид оставался дома. Тот, погромев посудой, вскоре ушёл. Лёшка убежал ещё раньше на службу. В тишине, без спешки Илья собрал вещи и вышел из квартиры.

Дойдя до метро, он остановился в раздумье – а куда, собственно, ехать? На окраине жить не хотелось. Больше нравилось гулять по старому городу, где почти в каждом доме скрывалась своя история. Что ж... так и поступим, – решил он про себя, – поедem в центр.

Странное дело, но никаких эмоций он не испытывал. Душа словно оцепенела. Илья пытался осторожно прощупать, больно ему или нет после вчерашней ссоры? Но душа молчала, как мёртвая. Внешне он шёл также бодро, как все. Также быстро сбегал по эскалатору. Ловко запрыгнул в поезд, проскользнув между закрывающимися дверями. Уверенно лавировал между другими пассажирами. Но всё это делал бездумно, механически. Глаза его смотрели, но никого не разглядывали, а уши, как и в первый день, содрогались от грохота подземного мира. Лишь на переходе, на островке относительного затишья, слух уловил нежную мелодию флейты и вытащил Илью из задумчивости.

Перед открытым футляром стояла девушка и увлечённо играла арию Орфея, спускающегося в ад за любимой. Илья застыл возле неё...

Под печальную и немного тревожную музыку мысли, словно пчёлы, загудели в его голове. Что делать дальше? Может, действительно, вернуться домой? Но внутри всё противилось этому решению. Неужели он так просто сдастся? Да и Питер ему полюбился...

Ссора с Давидом напомнила о разрыве с отцом. О первом Илья не жалел, а вот с отцом пора бы уже помириться... Недавно, листая интернет, на глаза попала притча, которая ответила ему на невысказанный, неясный вопрос, звучащий у него в голове.

Ученик спросил Конфуция:

– Что, если кого-то любят все односельчане? Это хорошо?

– Это плохо, – ответил Учитель.

– А если его ненавидят все вокруг?

– Это тоже плохо. Будет лучше всего, если хорошие его будут любить, а плохие возненавидят, – ответил мудрый Учитель.

Так Илья и оценивал для себя эти две ссоры... Отца он причислял к стану хороших людей, и от этого было горько. В последние дни, когда он оставался один, Илья всё чаще вспоминал свою детскую дружбу с большим, сильным отцом. Тогда ему казалось, что лучше его родителей нет на свете. Мама, как в сказках и добрых фильмах, пекла вкусные пироги и бесконечно латала его одежду. Отец защищал Родину. А когда возвращался со службы, ездил с Ильёй на рыбалку, на широкую Волгу. Они сидели у костра, варили уху, и отец что-нибудь

рассказывал из своего детства. Иногда они брали с собой Лёшку. Тот потом ещё месяц восхищённо вспоминал их поход...

Как же они могли так отдалиться друг от друга? Может, зря Илья был таким резким, даже если отец говорил обидные вещи? Да, да, зря... От неумолимой совести спрятаться за оправданиями было невозможно. Значит, ехать домой? Нет, повременю. Нельзя приезжать неудачником, а то получится, что отец был прав...

Мимо него текла толпа. Кто-то кидал флейтистке деньги. Илья очнулся от мыслей и тоже бросил купюру. Девушка, закончив играть, кивнула благодарно, даже не взглянув на него, и стала по-деловому убирать флейту в футляр. Для неё Илья был частью толпы. Но он ей был благодарен за этот родничок живой музыки в механическом подземелье. Он словно напился из него и снова стал прежним – полным сил и ожидающим от себя какого-то открытия. Выйдя из метро у Гостиного Двора, Илья расправил плечи и, оглядев Невский, довольно улыбнулся, – жизнь продолжалась.

Он шёл по Садовой и высматривал агентство недвижимости. Наконец попалась нужная контора. Илья потянул тяжёлую дверь в парадную и тут же очутился на прохладной лестнице с широкими ступенями. Поднявшись на второй этаж, он увидел приоткрытую дверь с нужной вывеской. При входе сидела пожилая женщина со строгим взглядом.

– Вы по какому вопросу, мужчина?

– Я хотел бы снять комнату.

На крик привратницы выскочила её молодая компаньонка и, узнав, что требуется Илье, тут же засобиралась на улицу. Чем-то она напоминала лисичку, но не рыжими волосами, а тонким, чуть заострённым носиком и хитрыми, бегающими глазками.

– Пойдёмте, у меня есть подходящая комната тут недалеко... Мария Захаровна, я отведу мужчину в квартиру на Большой Конюшенной и вернусь. Хорошо?

– Иди, иди, Вера, – раздражённо махнула рукой та, – тебе лишь бы к подружке сбегать.

– Пойдёмте, молодой человек, квартира хорошая, чистая, – трещала агентша, потянув Илью к выходу.

– К какой подружке вы меня тащите? – не понял Илья, останавливаясь у двери, – мне комната нужна, а не ваша подружка.

– Да вы не беспокойтесь, просто там немного необычные условия... – Вера ловко завязывала шёлковый шарфик, – видите ли, комната принадлежит одной пожилой женщине. Она сдаёт её не всем, а только тем, кто ей понравится. Зато оплата небольшая.

– Вот те раз, – покачал головой Илья, – как же я должен ей буду понравиться? Станцевать перед ней, что ли?

– Да нет, – почему-то зашептала Вера, оглядываясь на строгую напарницу, – она бабка умная, сразу людей видит. Кстати, бывшая артистка. Сейчас болеет – ноги не ходят, поэтому может вас попросить возить её на прогулку пару раз в неделю. Вам же не трудно?

– Ничего себе условия, – удивился Илья, – никогда такого не встречал.

– Зато дёшево. Комната хорошая, а плата маленькая. Пойдёмте, не упирайтесь.

Илья покорился и пошёл за суетливой девушкой. Идти было недалеко. Вскоре показался большой серый дом, похоже, современной постройки, и, открыв парадную своим ключом, агентша по имени Вера решительно стала подниматься на последний этаж. Лифт был, но его двери были почему-то открыты, из чего Илья сделал вывод, что он не работал.

– И часто тут так? – спросил он, указывая на тёмный лифт.

– А... бывает, но вам-то что? – девушка окинула цепким взглядом его фигуру, – вы же не инвалид?

– Не инвалид, – усмехнулся Илья, – я просто так спросил.

– Вот мы и пришли, – чуть запыхавшись, сообщила спутница и показала на коричневую высокую дверь. Ключ был массивный, длинный, с острыми зубцами на металлической ножке. Девушка уверенно сунула его в нужное отверстие под ручкой и ловко открыла тяжёлую дверь. Илья зашёл первый и огляделся.

– Ксанка, ты дома? – заорала из-за его спины высоким голосом агентша.

Из-за поворота в конце длинного коридора вдруг выскочил какой-то подросток и подбежал к ним.

– Ой, Вера, как хорошо, что вы пришли! Пойдёмте скорее, мужчина, поможет поднять бабу Катю.

Ничего непонимающий Илья послушно последовал за подростком. Он вошёл в большую квадратную комнату, уставленную старой мебелью, и сразу увидел лежащую на полу толстую пожилую женщину.

– Что с ней случилось? Скорая не нужна? – тревожно спросила Вера.

– Ничего страшного, просто решила походить без ходунков, – всплеснул руками подросток.

И тут, при свете заглянувшего солнца в широкое, хотя и грязное, окно, Илья разглядел, что это был не подросток, а невысокого роста девушка, худенькая и стриженная очень коротко, почти по-армейски.

Илья подошёл к лежавшей, словно квашня, женщине и прихватил её подмышки.

– А ну-ка, мадам, поднимайтесь...

Бабка оказалась тяжёлой, рыхлой, и из-за этого поднимать её было очень неудобно. Под руками она растекалась словно тесто, выскальзывая то с одной стороны, то с другой. Однако на помощь опять подбежала девчушка и затараторила, схватив больную за руки.

– Ну-ка, баба Катя, напрягай ножки и вставай, вставай сама...

– Да встаю я, встаю, не трещи, – заругалась неожиданно низким, прокуренным голосом бабка, – не тащите меня к кровати, не хочу я туда, давай на моё место, на кресло...

Сзади кто-то хрипло откашлялся и странно-сдавленным голосом завопил в тон бабке:

– Положь на место! На место, кому говор-рят!..

Илья испуганно заозирался, не понимая, кого он ещё не увидел в этой странной квартире, и тут за его спиной кто-то захлопал крыльями, а потом сел ему на голову.

– Это ещё кто? – рявкнул он от неожиданности.

Крылатое создание зашевелилось, впиваясь острыми коготками в голову, и зашипело:

– Это я, Шуля, Шуля... Душка Шуля.

– Ой, не пугайтесь, – прыснула девушка, – это наш какаду. Он разговаривать умеет.

Наконец, бабка была втиснута в старое кресло, и Илья, выпрямившись, увидел в зеркало белого попугая, удобно сидящего у него на стриженной голове.

– Ты слезешь с меня или нет? – уже спокойнее спросил он, обращаясь к назойливой птице и не решаясь смахнуть её с головы, – иди к своей хозяйке.

Бабка тем временем одёрнула юбку, пригладила кофту на пухлом животе и протянула руку к попугаю.

– Шулочка, лети сюда. Будем знакомиться, молодой человек. Вы наш новый жилец?

– Д-да, собирался поселиться у вас. Правда, я ещё комнату не успел посмотреть.

– Екатерина Афанасьевна, примите жильца? – выступила вперёд Вера, про которую все забыли.

– Такого красавца как не принять? Ты сообщила ему мои условия? – усмехнулась бабка. И, когда Вера закивала головой, милостиво разрешила: – тогда заселяй.

– Пойдёмте, пойдёмте, – засуетилась агентша, – вот ваша комната.

Она открыла дверь напротив бабкиных апартаментов, и Илья быстро оглядел скромное жилище, с односпальной кроватью, столом, одиноким стулом и шкафом в углу.

– Нравится? – со скрытым волнением спросила девушка.

– Сойдёт, – буркнул Илья, мечтая уже хоть куда-нибудь спрятаться от женщин и животных, – сколько с меня?

Они быстро рассчитались, и агентша ушла. Однако спрятаться от соседки не удалось.

– Молодой человек, идите знакомиться! – властным голосом позвала бабка.

Вздохнув, Илья вернулся.

– Значит, вы Илья. Так? Меня зовут Катерина Афанасьевна. А это Оксана. Она учится на медсестру и на мне практикуется.

Девушка прибирала бабкину кровать и, коротко взглянув на Илью, кивнула.

Он оглядел юную соседку: то, что он принял за армейскую стрижку оказалось модной причёской с рваными прядями на лбу. Серые глаза на бледном лице смотрелись двумя площадками. Нос был маленьким, в весёлых веснушках, которые её совсем не портили, а, наоборот, смягчали строгий взгляд. Девчонка как девчонка. Может, излишне серьёзная. Но это даже лучше – не будет глупо кокетничать.

Сама бабка оказалась не такой уж и старой. Седые волосы были аккуратно убраны в пучок на затылке. Одетая она была опрятно. На кофте сверкал белизной кружевной воротник, который почти сливался цветом с белоснежным какаду.

– Шуля, познакомься, это Илья. Будет в нашей квартире кавалер.

Попугай заходил по плечу бабки и закивал, как будто кланялся. В его глотке что-то зашипело, заклокотало, как в старой пластинке.

– Повтори: Илья, Илюша... – учила бабка.

Илья застыл, не веря, что птица произнесёт его имя, но та вдруг заговорила:

– Кавалер-р, кавалер-р... Илюха, Илюха...

Оксана засмеялась.

– Вот молодец, Шулечка.

Шуля повернулся к девушке и хрипло выдал новую фразу:

– Илюха любит Ксюху...

Оксана от неожиданности села на кровать.

– Это кто ж тебя такому научил?

– Не удивляйся, Ксаночка, Шуля в нашей гримёрке жил. Мы ещё долго будем узнавать пикантные подробности из жизни артистов, – со смешком объяснила баба Катя.

Илья ничего больше не хотел знать. В это утро произошло слишком много событий, и захотелось остаться одному. Он молча прошёл в свою комнату и стал раскладывать вещи. Комнату он нашёл, хоть соседи оказались странноватыми... Он подошёл к окну, выходящему в унылый и тёмный двор-колодец. Хорошо, что пятый этаж – кусочек голубого неба делал вид из окна повеселее...

Его будущая жизнь вдруг представилась плёнкой из старого материнского фотоаппарата. Когда-то он увлекался печатаньем фотографий и каждый раз с замиранием сердца ждал, что же проявится на плёнке? Такое же чувство появилось и сейчас.

В дверь кто-то настойчиво и неприятно поскрёбся.

– Кто там? – недовольно спросил Илья.

– Это я, Шуля, душка Шуля...

– Я занят, – крикнул Илья. Настроения общаться с попугаем у него не было.

Однако птица не унималась и продолжала скрестись.

– Шуля, иди на фиг, – Илья не желал уступать назойливому соседу. Поскрёбывание прекратилось, но хлопанье крыльев указывало на то, что попугай никуда не улетел. Илья поднял голову – настырная птица тёмным глазом заглядывала в маленькое окно над дверью. Разъярённый Илья выскочил из комнаты.

– А ну, кыш оттуда, нечего подглядывать за мной!

Какаду послушно слетел вниз и направился к бабке в комнату. Напоследок Илья разобрал хриплые обидные слова:

– Не Иван, а болван...

Глава шестая

Администратор ресторана, куда направился Илья на следующий день, уставился на него непонимающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.